

**ПРОЯВЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
В ТЕКСТАХ СОВРЕМЕННЫХ РУССКОЯЗЫЧНЫХ
ПОЭТОВ БЕЛАРУСИ**

Болтовская Елена Александровна

доцент кафедры общего и славянского языкознания учреждения образования
“Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова”;
кандидат филологических наук, доцент
(Могилёв, Беларусь)

Тексты на русском языке, созданные этнически не русскими авторами, образовали в различных культурах отдельную ветвь национальных литератур – русскоязычную. Художественные произведения 222 поэтов Беларуси пред-

ставлены в послужившей материалом для нашего исследования антологии «Современная русская поэзия Беларуси», которая была составлена в 2003 году Анатолием Аврутиным. По нашим наблюдениям, современные поэты Беларуси, пишущие на русском языке, ориентированы преимущественно на русскую культурную традицию [1]. Тем более весомыми становятся контексты, в которых авторы с помощью различных изобразительно-выразительных средств стремятся не только обозначить, но и подчеркнуть свою национальную принадлежность.

Одним из основных способов проявления авторской модальности в художественном тексте, как известно, является заглавие, так как оно занимает сильную позицию и обычно выражает тему лирического повествования. Стихотворение Татьяны Дашкевич имеет название «Белоруска в Москве», чем сразу привлекает к себе внимание. И первая строка (*Что за ветры здесь злые / доводят до слёз*) свидетельствует о том, что лирическая героиня воспринимает Москву как враждебно настроенное пространство, в котором хочется плакать. Однако это не повод начать приспособливаться и подстраиваться под чужое мнение: *Вопреки же упрёкам и чуткой молве / Я останусь собой: / белоруска в Москве. <... > Обрывает на хате / все ставеньки ветр. / На Таганке я слышу, / как ставни скрипят. / Как родные шипшины летят по Москве. <... > И я верю: родня похоронит меня / В белорусской траве, / головою к Москве* [2, с. 52]. Для создания образа любящей свою родину лирической героини автор пользуется корневым повтором (*белоруска, белорусский: родной, родня*), упоминанием «чужих» топонимов для усиления противопоставления (*Москва, Таганка*); введением в текст эмоционально-окрашенных средств для выражения отношения к изображаемому (уменьшительно-ласкательного суффикса *-еньк-* (на хате ставеньки), оценочного эпитета (*родные шипшины*)); употреблением белорусизмов для подчеркивания своей причастности к «матчынай мове» (*хата, шипшина*). Лексема *шипшина* (шиповник) является явной отсылкой к стихотворению Владимира Дубовки «О Беларусь, мая шыпшына...», в котором присутствует образ чужого «дзікага ветра» (*Ніколі пройме з дзікім ветрам / не развіваць дзявочых кос*); идеи произведений также перекликаются (ср. «я останусь собой» и «у перашкодах дух расце»).

В названии (или первой строке) произведений встречаются белорусские топонимы, гидронимы: «Дождливый день. Гродно» Ольги Норини [2, с. 120], «По Березине» Валерия Москаленко [2, с. 115], «Зеркало Свислочи...» Бронислава Спринчана [2, с. 151], «Заснувшие поставские озёра...» Григория Трестмана [2, с. 164–165]. На наш взгляд, связано это с тем, что одним из основных понятий белорусской культуры неизменно остаётся малая родина, образ которой постоянно присутствует и в литературе прошлых столетий, и

в современной литературе. В народном сознании *хата* (дом, изба) является величайшей ценностью (*свая хатка як родная матка*). Привязанность каждого белоруса к своему кусочку земли, ощущение неразрывной связи с ним (*у сваім краю як у раю; кожнаму свой куток мілы; усякаму міла свая старана*) по-разному выражается в поэтических текстах белорусских авторов. Например, Юрий Богданов в качестве эпиграфа к стихотворению «Прощай, прощай. Высокий берег...» [2, с. 34] берет первую строку поэмы Якуба Коласа «Новая зямля»: *Мой родны кут, як ты мне мілы!..* В произведении Натальи Татур «Бежит студёная речушка...» есть такие строки: *А вся отрада – лес, да речка, / Да милый край, да отчий дом. // Из хаты тянется дорожка / Под вековые дубы. <...> Во мне от самой колыбели / Простые родины черты* [2, с. 157].

Характерными приметамы стремления некоторых авторов показать свою национальную идентичность можно считать: 1) обращение к национальным символам: например, в стихотворении «Беловежской пуше» Леонида Лукши – описание одной из главных достопримечательностей Беларуси как «родных мест» [2, с. 101]; 2) упоминание соотечественников с мировой известностью: *и юный Марк Шагал / по Витебску идёт* («Взлетит вороний грай...» Давида Симановича) [2, с. 143]; 3) использование в текстах белорусизмов: *Гигантов столчных милее мне хаты...* («Беловежской пуше» Леонида Лукши) [2, с. 101]; ... *что и по мне – осенние Дяды, / что финиш жизни – это лишь начало...* («Гораздо больше близких там, чем здесь...» Александра Сарапкина) [2, с. 141]; *Есть у каждого Чёрная речка! / Есть родимая стежка – / одна среди тысяч дорог* («Столько нищих прошло...» Анатолия Аврутина) [2, с. 7]. *Стежка* (а не тропинка) наделена эмоционально-оценочным эпитетом *родимая*, который в русском языке разговорный, зато фоносемантически перекликается с белорусским словом *радзіма* (родина); *Кручинилась жалейка на опушке... <...> Пусть он ещё исколесит полмира, / Заморские увидит города, / Жалейки голос, / Тоненький и милый, / В его ушах не смолкнет никогда* («О русская земля...» Виктора Тростянского) [2, с. 167]. Лексема *жалейка* имеется и в русском языке, но в данном тексте, на наш взгляд, она, будучи повторённой дважды, помогает выявить авторскую аллюзию: в Петербурге был издан первый сборник стихов Янки Купалы «Жалейка» (который сразу же запретили), и этот народный музыкальный инструмент стал своеобразным символом белорусской поэзии начала XX века; 4) намёк на такие традиционно выделяемые качества белорусского национального характера, как гостеприимство, вежливость и толерантность: *По-татарски дочь зовётся Диной, / Сын по-белорусски Юрасём. / Беларуси дар – теплом приветить, / К людям обротя и жест, и взгляд, / Умоляю отозваться в детях / «Калі ласка!» их учу ответить / на «спасибо», «дзякуй» и «рахмат»* («Вместо биографии» Аллы Чёрной) [2, с. 177].

Итак, можно сделать вывод о том, что вкрапление белорусских лексических элементов в русскоязычные тексты чрезвычайно функционально нагружено: во-первых, белорусское слово в «чужом» языковом пространстве напрямую раскрывает национальную самоидентификацию автора; во-вторых, оно служит адекватной формой передачи самобытной ментальности поэта; наконец, оно является средством репрезентации значимых для авторов понятий белорусской культуры.

Авторы уважительно относятся к общеславянскому и советскому прошлому братских народов; им сложно смириться с искусственным раздвинением людей после распада СССР (соответственно, ослаблением и обнищанием новых государств). В стихотворении Александра Тропина «Русь» причина нынешней духовной разобщённости, экономических неурядиц, политических разногласий чётко названа: *Мы потому сегодня голь и грусть / И носим в сердце скорбную руину, / Что по-живому разорвали Русь / на Беларусь, Россию, Украину. / Что замкнутой судьбой сломали круг, / сочтя, что все помазаны на царства. / Что, как ни плюнь, кругом то «фронт», то «рух», / Что всё трещит от этого «рухарства»* [2, с. 167]. Забывать или (что ещё страшнее!) переименовывать историческое прошлое нельзя, так как это, по мнению поэта, прямой путь к вырождению: *Ведь дерево, лишённое корней, / Не зацветает и не плодоносит* [2, с. 167]. В качестве интересного примера национально-культурного самоопределения приведём стихотворение Андрея Геращенко «Я – русский»: *Под синим небом белорусским / Познал я радость и беду. / Я – белорус, а значит – русский, / Таким и в небо я уйду. // Мне этот мир казался узким. / Пришлось креститься на ходу. / Я – православный, значит – русский. / Таким и в небо я уйду. // Пока мой Киев не французский, / Свою я сечь всегда найду. / Я – украинец, значит – русский, / Таким и в небо я уйду...* [2, с. 44–45]. Таким образом, понятия «белорус», «украинец», «православный» поэт отождествляет с понятием «русский». Общие в течение многих столетий территория, религия, история служат и сегодня объединяющими восточных славян факторами.

Литература

1. Болговская, Е. А. Моделирование культурного пространства в современной русскоязычной поэзии Беларуси / Е. А. Болговская, О. А. Лавшук // Наукові праці Кам'янець-Подільського національного університету імені Івана Огієнка : Філологічні науки. Випуск 38. – Кам'янець-Подільський : Аксіома, 2015. – С. 81–85.
2. Современная русская поэзия Беларуси. Антология / сост. А. Ю. Аврутин. – Минск : УП «Технопринт», 2003. – 200 с.